

Когда Вэй Хун и Дзуань стали помогать девушке привести себя в порядок, они сняли рубашку и обнаружили шокирующие шрамы на спине.

Некоторые места даже успели загноиться.

Ду Дзуань было невыносимо видеть это.

- Ее били палкой, это было буквально совсем недавно и, я боюсь, что раны еще даже не успели зажить. Иначе раны стали бы гноиться.

- Должно быть, это было связано с их семейным законом и здесь была замешана эта старая ядовитая женщина! Это же была ее внучка! Они даже не предоставили ей никакого лечения, как такое может быть?

Независимо от того, как эта сильно молодая девушка смогла дойти вчера к ним домой, она даже представить себе не могла, что она переживала и какую испытывала боль, пока шла к ним домой.

Та, кто была еще жива вчера, уже сегодня...

Слегка вздохнув, у Ду Дзуань покраснели глаза.

Бесчисленное количество наложниц, находящихся в больших семьях, никогда не испытывали этого и вообще не понимают, что это такое.

Сейчас бесполезно что-либо говорить, но все глубоко внутри переживали случившееся.

Вэй Хун была не так сентиментальна.

Это был первый раз, когда она делала такую вещь, как купание мертвых, но она уже видела так много мертвых в своей жизни, что эта процедура не вызывала у нее никаких эмоций.

Только когда она стала отмывать кровь с груди женщины, ее брови нахмурились, а в глубине глаз промелькнуло сомнение.

- Лю Чжицю! Лю Чжицю!

Как только женщина вымыла мертвую девушку до конца, из-за двери донесся крик.

Затем раздался еще более громкий крик:

- А-а-а!

Вэй Хун вышла из ванной комнаты и посмотрела на женщину, которая была напугана стоящим гробом во дворе:

- Мисс Кан, почему вы снова здесь?

Лицо Кан Цзыюй было бледным, но она быстро отошла от гроба и подошла к Ду Дзуань, игнорируя явно нежелательный тон женщины:

- Я иду к Лю Чжицю, где он?

Позади Ду Дзуань вышла Вэй Хун, держа на руках Ли Цзюнь. При первом взгляде на человека

в ее объятиях Кан Цзыюй сразу же сделал несколько шагов назад, быстро отвела глаза, а ее лицо стало еще блее.

После мытья, на Ли Цзюнь надели светло-желтую рубашку и юбку, которые ей всегда нравились и которые были куплены специально Ду Дзуань, потому что она не знала, что все так закончится.

Но Кан Цзыюй все еще не осмеливалась взглянуть на нее, хотя женщина выглядела так, словно просто спала, но ее бледный цвет лица и темно-фиолетовые губы пугали ее.

Она даже не осмелилась задать еще какой-нибудь вопрос, она просто развернулась и пошла обратно, говоря при этом:

- Я пойду к Лю Чжицю!

- Мисс Кан, это двор моей семьи Лю. Наш дом служит не для того, чтобы в нем могли разгуливать незнакомые люди. Вы можете объяснить, зачем вам нужен мой сын, вы можете передать все мне, а я скажу ему то же самое. Ду Дзуань нахмурилась.

Когда она вошла в дверь, то увидела, что Кан Цзыюй ругалась на кого-то из прислуги, что ее никто не встречает. Увидев такое отношение, она еще больше разозлилась на Кан Цзыюй.

- Я хочу поговорить с ним сама, я не могу рассказать вам об этом, - Кан Цзыюй поспешно шагнула вперед во внутренний двор. - Лю Чжицю, Лю Чжицю, выходи!

Позже Вэй Хун обратилась к Ду Дзуань с предложением:

- Давайте, я ее вышвырну вон отсюда?

- Не нужно этого делать. Ду Дзуань покачала головой и тихо вздохнула.

Кан Цзыюй и Ли Цзюнь, казалось, обе хотели оказаться рядом с ее мальчиком.

Пусть они решают это сами без всех.

Кан Цзыюй убежала так быстро, что ей не успели ничего сказать. Все, о чем она сейчас думала и что было у нее перед глазами - это бледное, безжизненное лицо Ли Цзюнь, которое пугало ее до холодного пота, а сердце постоянно билось.

Отец вернулся из Ямена в полдень. Тогда она узнала, что Ли Цзюнь мертва. Она умерла после того, как побывала во дворе семьи Лю. Лю Чжицю выкупил ее отношения с семьей Ли за пятьдесят тысяч серебряных банкнот.